

Джин холодным взглядом окинул комочек у своих ног. Тот, пребывая в полнейшем замешательстве, распахнул серые, подернутые туманом глаза и склонил голову набок.

Мягкие пушистые кудри разметались по плечу, а из широкого ворота футболки выглядывало округлое плечико — нежная белизна кожи гармонировала с пышной копной волос.

Водку отправили по делам, а ему самому теперь приходится покупать этому ребенку одежду. Тц, сплошная морока.

Джин размышлял об этом с небрежным равнодушием.

Глядя на покраснения под глазами и на их уголках, он понял: малец уже успел поплакать.

Хех, ну конечно, еще совсем ребенок.

Сакаи Аракава поднял голову на Джина. Высокий мужчина с длинными серебристыми волосами источал такой холод, словно в следующую секунду собирался выхватить свою Беретту M92F и проделать дыру прямо у него во лбу.

Сакаи сглотнул. Нельзя просто стоять и смотреть друг на друга.

Сейчас у него нет никакой информации, он не знает, какова цена его существования в Организации. Кто он — ценный подопытный, расходный материал, требующий обучения, или и то, и другое сразу?

Судя по нынешней ситуации, можно сделать единственный вывод: он для Организации еще представляет пользу. Даже если Джин сейчас излучает ледяной холод, он не может его убить.

Ранее панель управления уже подсказала способ выживания: если не хочешь умереть, играй роль семилетнего невинного ребенка.

Очевидно, что теперь ему нужно быть не просто ребенком, а ребенком, который потерял память и не умеет разговаривать.

Будучи метисом, Сакаи Аракава с трудом припоминал, как произносится его имя.

Он знал лишь одно: его имя крайне важно.

Поэтому с этой минуты он — потерявший память молчаливый ребенок, который помнит только то, как его зовут.

Сакаи Аракава теребил край футболки, рассеянно раздумывая, как именно изобразить настоящего ребенка перед главным палачом Организации.

В голове пронеслось множество хаотичных мыслей, но в реальности прошло всего несколько секунд.

Сакаи Аракава приоткрыл рот и, словно приняв твердое решение, бросился к Джину.

Джин заметил движение еще до того, как мальчишка сорвался с места, но не понял, что тот задумал.

Если он решит напасть, как он это сделает? На ребенке только футболка, которую дал ему сам Джин. Он чист, оружия при нем нет. Собирается пустить в ход зубы?

Как лучший киллер Организации, Джин был уверен в своих силах, а этот мальчишка выглядел донельзя слабым.

Джин остался стоять на месте, не шелохнувшись.

Плюх! Маленький, пахнувший тканью, мягкий комочек врезался в ноги Джина.

Дзынь! Поздравляем, Джин, вы получили живой снаряд из сахарной ваты.

— Са-каи... Са-каи Аракава, — запинаясь, произнес ребенок.

Джин замер, прищурился, но не сдвинулся с места.

Услышав, как голос ребенка дрогнул от тревоги и растерянности из-за отсутствия ответа, он насмешливо хмыкнул. Одной рукой он подхватил мальчишку, усадил его себе на предплечье и, не говоря ни слова, широким шагом зашагал прочь.

База Организации.

Припарковав свой любимый Porsche 356A, Джин вытащил с пассажирского сиденья белоснежный комочек.

Он занес его на базу, неся на одной руке.

Сакаи Аракава вцепился в одежду на груди мужчины, его серые глаза остекленели.

Джин, ты просто никудышный опекун.

Жест осуждения.

Кто вообще сажает семилетнего ребенка на переднее сиденье?!

Машина летела так быстро, что ремень безопасности чуть не перерезал горло!

Если бы Сакаи не держался за него сам, его бы давно вышвырнуло неизвестно куда!

Джин швырнул ошарашенного ребенка в белоснежную комнату и ушел.

Помещение было пустым: три стены и одно зеркало с односторонней видимостью.

Сакаи Аракава видел в стекле только свое собственное растерянное лицо.

Ни звука, ни души.

Сакаи подавил бешено колотящееся сердце, стараясь не думать о том, не прильнул ли кто-то к стеклу с той стороны, не вглядывается ли в него воспаленными глазами, пытаясь оценить его ценность по каждому движению.

Не думать о том, не напичкана ли эта комната камерами, и не сидит ли кто-то по ту сторону экрана, жадно вождедея живую плоть ребенка.

[Уровень рассудка: 62 (снова упал, ты не справляешься)]

Игнорируя подсказку, Сакаи заставил себя сосредоточиться на причинах.

Рассудок в игре — это показатель ментального здоровья.

В настольных играх по Ктулху этот показатель падает при столкновении со сверхъестественным или чем-то ужасающим.

Неужели из-за тех хаотичных мыслей? Нет, если бы дело было только в них, в машине Джина рассудок упал бы до нуля от одного только внутреннего монолога.

Это определенно связано с чем-то другим. Злоба людей снаружи? Или что-то еще?

Улик слишком мало, нельзя торопиться, нужно ждать.

Прошло полчаса в томительном ожидании. Никто не пришел, никто не заговорил.

За эти полчаса тишины Сакаи Аракава пытался проверить предел рассудка.

Он ругал Джина, ругал Организацию, ругал Систему, ругал этот чертов мир — показатель не падал.

Представлял, как за стеклом появляются зомби, призраки, монстры — тоже не падал.

Представлял богов из пантеона Ктулху, молил их о чем-то — ничего.

Тц, сидеть надоело, думать тоже.

Это чувство пустоты, гнетущее ощущение, что во всем мире остался только он один, казалось знакомым, но Сакаи никак не мог вспомнить, когда ощущал подобный холод и одиночество.

[Уровень рассудка: 60 (Внимание! Внимание! Внимание!)]

?!

Сакаи Аракаву словно ударило током: здесь нет никакой системы Ктулху, рассудок — это просто рассудок, его ментальное состояние.

Это оценка его психического равновесия. И раз здесь нет прямого воздействия мифов, оценка, скорее всего, складывается из двух аспектов: внешних раздражителей и внутренних переживаний.

Сакаи скривил губы. Эта мистическая система оценки порядком раздражала.

Примерно через час пришли несколько исследователей в белых халатах. Они принесли длинный кусок черного шелка с золотой каймой и, указывая на Сакаи, о чем-то заговорили.

Увидев, что он не реагирует, один из них воскликнул:

— Сакаи Аракава?

Кто-то назвал мое имя, подумал Сакаи.

Он повернул голову к этому человеку.

Хм, а этот вроде что-то из себя представляет. Среди кучки лысых только у него череп блестел так, что в нем можно было отразиться.

Самый лысый исследователь поднял Сакаи на руки, взял черный шелк и понес его в другую комнату.

В центре помещения на постаменте стоял черный гроб.

Непонятно, из чего он был сделан, но от него исходил тонкий, прохладный аромат — то ли лотоса, то ли орхидеи, то ли лунного света на первом снегу, то ли ночи на листьях бамбука, то ли светлячков в горном ручье.

Это запах дома, смутно подумал Сакаи.

Он любил этот холодный аромат, поэтому в его доме всегда так пахло.

Исследователь протянул Сакаи черный шелк и подтолкнул его вперед.

Сакаи посмотрел на гроб: он был небольшим, как раз для ребенка, его собственный рост подходил идеально.

На стенках гроба и на крышке были вырезаны символы Уробороса.

На другом столе лежали вещи из гроба: темно-красное детское кимоно и нефритовый кулон в форме змеи, кусающей свой хвост.

Кулон был наполовину белым, наполовину черным, а в месте их слияния переходил в серый. Белая змея кусала черный хвост — единое целое.

Словно околдованный змеиными глазами на кулоне, Сакаи протянул руку и коснулся узора.

В тот момент, когда он коснулся змеиных клыков, в глубине его сознания словно что-то взорвалось. Барьер был сломлен, в ушах зашумело, на него обрушился гул голосов. Сакаи вцепился в край стола, упал на колени и его начало тошнить.

Мужские, женские, старческие, детские голоса.

Мольбы, обиды, проклятия, крики — всевозможные негативные эмоции нахлынули волной.

Он словно тонул в бездонном океане ненависти, и как бы ни пытался вырваться, его тянули вниз руки, похожие на сухие кости. Не убежать, не спрятаться.

Оставалось только смотреть и осознавать собственную смерть.

Сакаи Аракава рухнул на пол. На лбу вздулись вены, руки судорожно сжимали горло, лицо налилось кровью.

Что-то терзало его правую ногу от бедра до кончиков пальцев, острые клыки рвали кожу,

вгрызались в плоть, высасывали кровь, несущую жизнь.

Больно! Больно! Больно! Больно!

Мне так больно!

[Уровень рассудка: 50]

[Уровень рассудка: 42]

Что-то мелькало перед глазами, Сакаи не видел и не хотел видеть.

Молочно-белые сгустки света и человеческие лица теснились перед ним в хаотичном беспорядке.

Я умираю? Как же плохо.

Гул в голове приносил мучительную, удушающую боль.

Только боль в правой ноге давала ему почувствовать, что он жив.

[Уровень рассудка: 36]

[Уровень рассудка: 21]

[Уровень рассудка: 17]

[Внимание! Внимание! Внимание! Уровень рассудка критически низок, активированы принудительные меры безопасности! (однократно)]

Сакаи Аракава услышал треск, словно у старого радиоприемника.

А затем провалился в небытие.

Открыв глаза, Сакаи Аракава обнаружил, что находится в сиянии флуоресцентно-голубого света.

В центре сгустка мигал молочно-белый огонек. После минутного замешательства Сакаи понял: этот свет говорит.

[Мой недолговечный носитель, я так рад снова тебя видеть! Твой уровень рассудка упал слишком низко, и я активировал меры безопасности. Ты сейчас в моем системном пространстве, а то, что ты видишь — это мое истинное воплощение.]

— Я... я умер? — спросил Сакаи, преодолевая сухость в горле.

<http://bllate.org/book/21255/2151436>